11.03.2016, 14:44 Орловская область, Москва свой опыт

Орловский вестерн

8 ноября 2015 года группа активистов приехала в исправительную колонию № 5 Орловской области, чтобы выразить поддержку содержащемуся там Олегу Навальному. Один из участников этой акции, юрист Фонда борьбы с коррупцией и руководитель правозащитного движения «Прогрессивное право» Виталий Серуканов, был задержан. Эта история по не вполне понятным причинам вылилась в преследование с элементами остросюжетного боевика, которое продолжается до сих пор. Рассказ Виталия Серуканова об удивительных приключениях региональной полиции, который публикует ОВД-Инфо, — это фрагмент большого

интервью, которое будет опубликовано на следующей неделе.

YouTube Video: NH7w7-buwpO

Восьмого ноября мы небольшой группой приехали в Орловскую область, чтобы выразить — не проводить общественно-публичное мероприятие, не проводить пикетирование, а просто подойти, там, к дверям колонии, насколько это будет возможно, к забору и выразить свое мнение, постоять с плакатом, без каких- то требований, лозунгов, скандирований, без ничего.

В этой колонии находится Олег Навальный, брат Алексея Навального, как мы знаем. Это такая известная достаточно история, по абсолютно надуманному обвинению, политически-мотивированный процесс, на сто процентов. Мы приехали туда, постояли, дождались там всю королевскую рать Орловской области. То есть, я так понимаю, приехало начальство колонии, ФСБ, КГБ, и, я не знаю, какие-то ОВД. Они долгое время почему-то ходили вокруг нас, никаких требований, собственно говоря, законных, незаконных, в отношении нас предъявлено не было. Потом подошел какой-то человек и говорит: «Вы знаете, нам так кажется, что ваши действия не совсем законные». Я говорю: «Ну, хорошо. Если вам так кажется (а мы уже стояли на этот момент, наверное, минут

сорок), мы сейчас готовы прекратить эти действия. Первое требование от вас поступило, мы прекращаем свое мероприятие». Окей, хорошо. Мы спокойно сели в свои машины, поехали. Собственно говоря, практически выехали уже из этого Урицкого района, и тут прямо такая колонна машин — просто как в боевиках каких-то, вестернах. Причем это было очень похоже на вестерн, такая природа была вокруг нас. Они нам перекрывают дорогу, подбегает такой уже пожилой полковник, стучится в окно, таким извиняющимся тоном говорит: «Мне всего лишь нужно взять с вас объяснение, мы ничего не имеем против вас». Я говорю: «Ну давайте, сейчас я сижу в машине, напишу в машине это объяснение и вам передам, если вас это не затруднит?» Он говорит: «Нет. Такой сценарий нас затруднит. Выходите». Я говорю: «Ну, я так понимаю, что у меня нет другого выбора. Я правильно вас понимаю?» Он говорит: «Да».

В итоге вывели из машины. Видимо, они увидели во мне какого-то организатора этой акции, потому что я с ними там говорил, на месте пытался урегулировать вопрос. Столько полиции я не видел в одном месте никогда. То есть пресса не могла войти в ОВД, потому что они толпились. Для них это был какой-то вызов. Они подходили ко мне и разве что за рубашку не вертели. Я говорю: «Вы что, первый раз видите какого-то человека, который выражает свою позицию? К чему такой интерес?» У них был просто неподдельный интерес. Они подходят, спрашивают: «А вот как вы приехали? Сами, да? И постояли? Неужели такое может быть?» Это было все, конечно, очень забавно. Я говорю: «Ну хорошо, составляйте материалы, едем в суд».

Вызвали судью из дома, судья пришла с детьми туда, в суд. То есть такая прямо семейная обстановка была в суде. Я ни одного судебного пристава вообще там не заметил. То есть суд без судебных приставов был. Передали мои материалы, судья отказывалась рассматривать эти

материалы, потому что эти материалы состояли из двух документов — это протокол о совершении административного правонарушения и мои объяснения. Все остальные документы почему-то сотрудники полиции не составили. Хотя я им давал какие-то недвусмысленные подсказки, — ну, чтоб понимали, что мы сейчас будем составлять так или иначе в суде: вы же меня задержали, вы же меня доставили, может быть, еще что-то? Они: «Нет-нет! Все мы передали! Все. Этого достаточно!» Судья, конечно, все это вернула. И сказала: «Нет. Я такое рассматривать не буду». Просто потому, что это неприлично, наверное, рассматривать. И все. И мы уехали из Орловской области.

11 ноября они, видимо, попытались провести без меня что-то. В чем-то они затруднились, непонятная какая-то история. Но в итоге суд нам официально заявил, что все материалы возвращены в Урицкий ОВД. То есть в суде никакого дела моего нет. И знать они о нем не знают с 11 ноября. В итоге что делает полиция? Мне звонит вот этот полковник Грошев и говорит: «Вы знаете, нам срочно надо, чтобы вы приехали к нам в Урицкий ОВД из Москвы». Я говорю: «А на каком основании вообще? А зачем? Вы составили материалы. Определение о передаче материалов в суд есть. В чем дело-то?» — «Нет. Вот это очень важно, я не могу вам всего объяснить, вы должны к нам приехать». Я говорю: «Нет, если вы не можете мне объяснить, то я не могу к вам приехать. Извините». Он пропал, и во мне такая радуга оптимизма: «Все хорошо! Наконец-то отстали!»

И тут в середине декабря мне звонят обеспокоенные родители в полпервого ночи и говорят, что приехала группа из Урицкого ОВД, стоит под дверьми, тычет в какой-то планшет, показывает, что я с каким-то плакатом стою, что меня нужно увезти. Я просто говорю: «Мам, передай, пожалуйста, трубочку этому нерадивому Айрапетяну». Так звали сотрудника. Он, кстати, был

участковый уполномоченный. То есть они участкового уполномоченного сорвали с его территории и отправили в командированной группе в Москву, на служебной «Ниве». Меня больше пугало, сколько мы будем на этой «Ниве» ехать до Орловской области из Москвы. Там, наверное, весь срок административного ареста прошел бы, пока мы доехали бы. У них не было ни протокола о принудительном доставлении, ни какой-то повестки, ничего. С голыми руками, но с планшетом, где есть какая-то фотография. Я им говорю: вы время видели, уважаемые? Полпервого ночи. Люди спят, как правило. Какие-то процессуальные нормы вам вообще знакомы? Какое принудительное доставление? У вас нет постановления. У вас вообще ничего нет. Требование у них было ко мне только одно: «Давайте мы с вами встретимся, в личной беседе все объясним». Я говорю: «Не хочу я с вами встречаться, у вас есть уникальная возможность мне все это объяснить по телефону сейчас». Но они не пошли на мои условия и хотели добиваться. И в итоге они под моими окнами двое суток торчали.

А сейчас мне стал звонить — не помню, к сожалению, его инициалов и фамилии. В твиттере у меня есть. Он уже представился сотрудником уголовного розыска. Управление МВД по Орловской области. «То есть, — я говорю, — мой кейс выходит на какой-то новый уровень, вы мне просто льстите. Идет уже третий месяц, уже уголовный розыск по Орловской области начинает заниматься моим делом». Я говорю: «Вы что от меня хотите? Вы можете сформулировать свои требования? Желательно какие-то нормативы». — «Ой, вы опять, знаете, давайте наши сотрудники с вами встретятся, будут мимо ехать, нам нужно вам повестку какую-то передать». Я говорю: «Повестку по поводу чего? Судебную повестку? Что вы хотите?» — «Вот, на 12 марта мы хотим вас вызвать». Я говорю: «Вы знаете, я опять не понимаю о чем идет речь». Видимо, они хотят все-таки меня туда

привезти, по-быстрому состряпать хоть какие-то материалы, составить для себя какое-то удобоваримое объяснение, которое они потом предъявят своему начальству и скажут: «Видите, как мы пресекли опасных каких-то московских активистов. Больше они у нас не появятся». Я так понимаю, какой-то обычный чиновничий интерес — получить личную выгоду из всей этой ситуации на своем региональном уровне.

В итоге вот они опять приезжали. Буквально прямо перед маршем памяти Бориса Немцова они приехали, опять родители их увидели. Но в этот раз домой не заходили уже, терлись в подъезде внизу. То есть тактика стала более осторожной. Моя мама их увидела еще в семь утра, а позвонили они мне в два часа дня. Я говорю: «Что же вы столько часов, собственно говоря, делали? Что же вы мне сразу с утра не набрали? Если вам нужно только поговорить, если вам повестку подписать? Что же вы там около семи часов под окнами терлись, как партизаны?» Я говорю: «Объясните свои действия. Детский сад просто!» — «Виталий, нужно только подписать повестку». — «Давайте так: вот если мы сейчас звоним в Урицкий районный суд и они нам подтверждают, что они выписали судебную повестку на 12 марта, тогда мы с вами встретимся в присутствии прессы, общественных представителей, адвокатов, в людном месте — пожалуйста, я готов у вас взять все материалы, даже провести с вами короткий диалог. Но только в присутствии названных представителей». Он что-то мялся-мялся. Я говорю: «Все. Мы звоним в суд». Но суд, конечно, ничего не подтвердил. Более того — там сказали, что уголовный розыск вообще никакого отношения к их судебной работе не имеет, естественно. Никаких повесток, никаких дат, на 12 марта они не назначали. Я перезвонил, говорю: «Ребята, что-то мы, думаю, не договоримся с вами. Всего доброго, до свидания». Ребята уехали.

Пикет в поддержку Олега Навального около исправительной колонии

1 7

Ещё почитать

06.03.2026 Москва

Против политика из Удмуртии, который больше месяца держал голодовку, возбудили новое дело

05.03.2026 Москва

Блогер-женоненавистник Арсен Маркарян получил реальный срок по делу о реабилитации нацизма